

Халидова О. Б. Протестанты и неопротестанты постсоветского Дагестана : трансформация ценностных ориентиров в миссионерских практиках (1990—2000-е гг.) / О. Б. Халидова, Р. И. Сефербеков // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 404—414. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-404-416.

Khalidova, O. B., Seferbekov, R. I. (2019). Protestants and Neo-Protestants in Post-Soviet Dagestan: Values Transformation in Missionary Practices (1990—2000). *Nauchnyi dialog*, 8: 404-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-404-416. (In Russ.).

УДК 94(470.67)“199/200”+274/278(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-404-416

Протестанты и неопротестанты постсоветского Дагестана: трансформация ценностных ориентиров в миссионерских практиках (1990—2000-е гг.)¹

© Халидова Ольга Борисовна (2019), orcid.org/0000-0002-3454-9427, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Россия), o.khalidova2011@mail.ru.

© Сефербеков Руслан Ибрагимович (2019), orcid.org/0000-0002-0901-8499, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Россия), 79034779866@yandex.ru.

Рассматривается вопрос о трансформации в ценностных ориентирах протестантов и неопротестантов в их миссионерских практиках в современном Дагестане. Отмечается, что процессы глобализации, обусловленные международной обстановкой, развернувшаяся в стране социально-экономическая, политическая и духовная депрессия способствовали «наплыву» западных миссионеров и появлению новых нетрадиционных церквей харизматической направленности, позволив им занять в республике на некоторое время свою нишу в религиозной структуре. На основе социологического опроса проведен анализ ценностных взглядов дагестанских протестантов в их евангельской миссии. Показано, что религиозное самочувствие адептов изучаемых общин ориентировано на прозелитическую и миссионерскую деятельность среди носителей иного. Установлено, что дагестанские протестанты позитивно оценивают прозелитизм с мотивацией его ненасильственного и мирного распространения при

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований научного проекта № 18-09-00420.

одновременном игнорировании возможности обострения межрелигиозных и межнациональных отношений. Выявлено, что опрошенные имеют различные точки зрения на пропаганду своего вероучения среди представителей иных религий. Авторы заключают, что, с одной стороны, провозглашение принципов свободы выбора того или иного религиозного мировоззрения, с другой — установка на подчеркивание исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности» позволяют сделать вывод о противоречивости суждений респондентов.

Ключевые слова: Россия; Дагестан; религия; протестанты; неопротестанты; общественная модернизация; евангельская миссия.

1. Введение

Все чаще в научной литературе, прессе поднимаются вопросы, связанные с сектантством и религиозным инакомыслием. Будучи весьма актуальной, тема представляет большой интерес в исследовательском отношении. Особую популярность и остроту эта тема приобрела в нашей стране в свете так называемой «нетрадиционной» постмодернистской религиозности. В данном случае речь идет о неопротестантских организациях, под которыми в статье подразумеваются протестантские церкви в новых для христианства условиях модернистского и постмодернистского мира (см., например: [Кляшев, 2010]). В связи с этим интерес вызывает и исследование деятельности нетрадиционалов с учетом их высокой активности, тесно переплетающейся с деятельностью западных и отечественных миссионеров. Как следствие, наблюдается рост количества религиозных общин и числа адептов в них. Будучи активными акторами процессов глобализации, сопряженными с социально-политическими потрясениями в России, нетрадиционалы оказались весьма неожиданным явлением для неподготовленной в информационном отношении и в прошлом атеистической части населения.

Сложившаяся в России в 1990-х годах новая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация, продиктованная перестройкой и либерализацией политического режима в Советском Союзе в конце 1980-х, заставила обратиться к религии значительную часть российского общества, чем обусловила кардинальные изменения места и роли религиозных организаций в социокультурном пространстве нашего общества. Достаточно быстро заняв опустевшую нишу, религия пришла на смену утраченной советской идеологии и духовным ценностям советского времени. Многими она была воспринята как часть культурной традиции, элемент идентичности, поэтому возрождение религии шло параллельно с актуализацией национального самосознания.

Трансформации в религиозных ориентациях привели к кардинальным изменениям и в динамике религиозности населения. В 1995 году 60,8 % населения идентифицировали себя как верующих в отличие от 5—10 %

в конце 70-х — начале 80-х годов XX века [Гараджа, 1995, с. 143]. Таким образом, «показатели религиозной ситуации за последние десятилетия демонстрируют нам высокий уровень религиозной самоидентификации россиян» [Каргина, 2004, с. 45].

Религиозность верующих подкреплялась повсеместным количественным ростом зданий религиозного культа [Одинцов, 2007, с. 155], конфессиональная панорама которых в России первой половины 1990-х годов отличалась большим многообразием.

Среди религиозных групп, набиравших обороты популярности в начале 1990-х годов, были протестантские и неопротестантские, представлявшие собой «христианские сообщества, в доктринальном отношении своими корнями восходящие к общепротестантской парадигме» [Кляшев, 2010, с. 135]. Необычные методы ведения миссионерской деятельности обусловили динамичный рост их социального состава, в который входили молодежь и наиболее интеллектуальные слои населения.

Включенное наблюдение показало, что динамика активной фазы в деятельности протестантов и неопротестантов усиливается не только под воздействием объективных факторов в периоды резких социально-экономических и политических трансформаций¹, но и под воздействием так называемых иррациональных факторов, среди которых наступление нового тысячелетия, ожидание конца света и др. [Потапова, 2015, с. 4].

Неподдельный интерес евангельское движение вызвало у населения национальных регионов, исповедующего преимущественно исламское вероучение. Вызывая неоднозначную реакцию общества в республике, проповедники «слова о Христе», используя неординарный подход к популяризации своего вероучения в форме проведения концертных мероприятий в городских дворах, раздачи литературы библейского содержания, предпринимали попытки убедить людей, что новая идеология — это необычное и по-житейски глубокое учение, способное разрешить многие неурядицы в жизни простых людей.

2. Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в Республике Дагестан

Опыт изучения и выявления причин популярности неопротестантов, действовавших в республике в 1990-е годы, позволил установить

1 В личной беседе одного из авторов статьи О. Б. Халидовой с руководителем церкви «Осанна» г. Махачкалы в 2016 году пастор указывал, что рост адептов в церкви возрастал именно в кризисные периоды жизни нашего общества. Подобная динамика наблюдалась в 1990-е годы и в 2008 году [ПМА 1].

целый ряд кризисных социетальных факторов. На первом месте стоит кризис в российском обществе, в результате которого наблюдалось глубокое имущественное и финансовое расслоение большинства социальных групп населения. Анализ статистических данных показал, что в 1996 году среднедушевой денежный доход 22 % российского населения был ниже прожиточного минимума [Араловец, 2015, с. 24]. Значительная часть северокавказцев стала жить за чертой бедности. Так, по данным Госкомстата РФ, в конце 1996 года население Республики Дагестан было в целом самым бедным (исключая Чеченскую Республику и Республику Ингушетию) в РФ [Социально-экономическое ..., 1999, с. 212]. Снижение уровня материального благосостояния граждан повлек за собой и новый кризис в августе 1998 года. И, как отмечают исследователи, процесс восстановления уровня денежных доходов населения, несмотря на признаки некоторого оживления народного хозяйства, не завершился [Руткевич, 2001, с. 52]. По замечанию экспертов, основная масса населения республики (около 70 %), как нигде в России, живет в бедности [Пути мира ..., 1999, с. 8—9]. По результатам социологического исследования, проведенного группой ученых Регионального центра этнополитических исследований при ДНЦ РАН, при ответе на вопрос об оценке дагестанцами своего материального положения в этот период 21 % оценили его как бедное, 27 % — ниже среднеобеспеченного, 40 % — как среднеобеспеченное [Социальные и межнациональные ..., 1998, с. 25—26].

Наибольшее опасение у населения республики того периода вызвала политическая ситуация в Дагестане, связанная с процессом реисламизации в республике и оказывавшая влияние на характер социальных отношений [Халидова и др., 2018]. Нестабильность состояния общества была связана с миграционными процессами среди русского населения республики [Алиева, 2001; Халидова, 2014], ростом количества безработных и инфляцией. Подобные экономические и социальные показатели вполне были способны вызвать конфликты в обществе. Недовольство людей социально-политической обстановкой, чувство тревоги, как правило, способны отгородить человека от общества и изменить его ценностные ориентиры. Для верующего человека это возможно, когда его вера «не вписывается» в рамки какой-либо традиционной религии. Указанные причины, на наш взгляд, и обусловили создание в республике благодатной среды для появления и активной деятельности неопротестантов.

Кроме того, определенную напряженность вызывал и национальный состав религиозных новообразований, где большая часть адептов была представлена этническими мусульманами. Наибольшего успеха в деле

проповедования, особенно среди лакского народа, достигла харизматическая церковь «Осанна» [Филатов, Лункин, 2002, с. 171]. И это несмотря на то, что стать христианином для мусульманина шаг весьма непростой: его переход в христианскую веру считается самым великим позором и унижением для всей семьи, а чаще всего и для всего рода новообращенного. Чтобы вернуть человека в ислам, идут в ход все виды и формы давления: угрозы, презрение и всевозможные притеснения [Шаадия, 2011]. Так, лидер лакского народа и сторонник построения исламского государства Надир Хачилаев неоднократно выступал с угрозами в адрес пастора евангельской церкви «Осанна» Артура Сулейманова [Лункин, 2011].

По данным анкетирования, проведенного О. Б. Халидовой в 2016 году, в некоторых неопротестантских объединениях (№-75) 30,2 % опрошенных являются представителями этносов, которые традиционно рассматриваются как носители ислама. Например, согласно полученным результатам исследования, в общине пятидесятников «Осанна» г. Махачкалы имеются прихожане аварской национальности (4), даргинской (1), кумыкской (4), лакской (3), лезгинской (3). Некоторые из респондентов не пожелали указать свою национальность, мотивируя отказ свободой вероисповедания и отметив вариант ответа «другое». Имели место случаи, когда дописывали слово *протестант* или *христианин*.

Сегодня каждый второй опрошенный респондент (73,9 %) в изучаемых нами общинах отмечает, что имеет возможность придерживаться своего религиозного учения, причем «в полной мере». Каждый пятый опрошенный отмечает, что сталкивается с нападками со стороны отдельных представителей другого вероучения. Другой позиции — «наше вероучение и религиозная организация подвергаются преследованию со стороны неофициальных, нетрадиционных мусульманских религиозных течений» — придерживается каждый восьмой опрошенный (25,8 %).

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что большинство носителей протестантского учения в современном дагестанском обществе не испытывают негативного отношения со стороны представителей иного вероисповедания, соответственно, и у них нет и чувства ущемленности.

Рассуждая над вопросом привлекательности рассматриваемых общин для верующих, один из авторов статьи О. Б. Халидова на основе данных интервьюирования¹, проведенного ей в 2016 году, делает вывод о созна-

1 Представленный полевой материал был собран одним из авторов данной статьи О. Б. Халидовой в протестантских общинах Махачкалы и Каспийска в 2016 году и систематизирован по результатам общения с прихожанами данных религиозных групп [ПМА 2].

тельном выборе протестантского вероучения его адептами. Среди причин их прихода в общину и «сновидения с определенным смысловым содержанием, ставшие определенным толчком для многих обратиться к христианской вере», и желание получить психологическую помощь («шли туда, думая, что это психологический центр, и оставались там»), и желание пообщаться к так называемой «тусовке», среди последних адептов преобладает молодежь [ПМА 2]. Интервьюирование показало, что наибольшее число принявших протестантизм придерживалось ранее православного мировоззрения. Поменять свои идеологические установки людей заставила неудовлетворенность некоторыми особенностями православного культа, в частности, строгостью его установок, особой догматичностью, и напротив, к протестантизму влекла демократичность отношений в общине, например, «отношение напрямую с Богом, изучение Библии, доступный язык, нет разделения между пасторами и прихожанами», «отсутствие излишней символики», «близкие, тесные внутрицерковные отношения», «простота в Богослужении», «доступность и понятность Библии» и «обсуждение и разбор библейских текстов» [Там же].

3. Ценностные ориентиры в миссионерской деятельности

Основной специфической чертой протестантов и неопротестантов является стремление к прозелитизму и миссионерской деятельности. Однако проповедовать в многоконфессиональной республике было всегда непросто. В 1990-х — начале 2000-х гг. в адрес проповедников часто поступали угрозы, наблюдались попытки сорвать богослужения и даже «насильно заставить верующих адептов отказаться от Иисуса» [Ушакова, 2004, с. 10].

Постепенные трансформации в культурной и религиозной самоидентификации населения повлияли и на миссионерскую деятельность протестантов. Бывшее преимущественно атеистическим в начале 1990-х общество после распада прежних идеологических представлений переживало период мировоззренческой дезориентации, на смену которой пришла идентификация большинством граждан России себя как сторонников и приверженцев традиционных религий своей страны. Последнее обусловило значительное замедление распространения протестантских церквей по РФ и снижение количества их адептов. Так, если в 1992 году в церквях Российского Союза Евангельских Христиан-Баптистов по всей России крестились 9700 новых членов, то в 1999 году — уже 5000, а в 2008 — 551 [Кравцев, 2018]. Принятые в 2016 году «антимиссионерские законы» [Андреев, 2016] подвели определенную черту под периодом религиозных свобод и активного «благовестия».

В настоящее время значительно снизилась активность евангельской миссии и на территории Дагестана. Все реже можно наблюдать людей, распространяющих религиозную литературу на улицах республики. При этом нужно учитывать, что протестантизм воспитывает в адептах не только желание верить, но и обязательство к миссионерской практике. Протестантские идеологи при разработке мер по духовно-нравственному воспитанию реальных и потенциальных адептов нацелены прежде всего на то, чтобы все потребности человека в социальной деятельности трансформировать в религиозные и поставить их на службу церкви, что предполагает активную религиозную практику.

В связи с последним обстоятельством не менее важным для исследования является вопрос о тенденциях распространения прозелитизма на территории Дагестана, поэтому респондентам [ПМА 2] был задан вопрос *«Допустимо ли распространение своей религиозной веры среди людей, не исповедующих ваше религиозное учение?»* В ответах превалирует позитивное отношение к прозелитизму с уточнением, *«если это делается разумными и мирными средствами»* (52,4 %); данный ответ доминирует в подгруппе «убежденно верующих» — 61,0 % и реже встречается в подгруппе «верующих» — 36,4 %. На втором месте по частотности ответов находится мнение *«если эти люди мне близки»*, разделяемое каждым третьим опрошенным, согласно показателям как по всему массиву ответов респондентов, так и по подгруппам «убежденно верующих» и «верующих». Обращает на себя внимание позиция, допускающая навязывание своего вероучения *«всем без исключения»* (27,0 %), среди людей, придерживающихся такой точки зрения, 29,3 % «убежденно верующих» и 22,7 % «верующих». При этом утверждения *«нет, это может ухудшить отношения между людьми разных вероучений»* и *«нет, это может спровоцировать межрелигиозный конфликт»* отмечены небольшой долей опрошенных (по 1,6 % в каждой подгруппе), что свидетельствует о наличии в установках протестантов ориентированности в латентной форме на распространение своего вероучения среди последователей иных религий. С учетом возраста опрошиваемых их мнения разделились следующим образом: позитивно прозелитизм с установкой *«если эти люди мне близки»* оценивают в когорте «от 60 лет и выше» (38,3 %), 33,3 % «от 40 до 50 лет», 23,3 % «от 50 до 60 лет», 33,3 % «от 20 до 30 лет» и меньше всего отметивших в подгруппе «до 20 лет» (3,4 %); при этом 33,4 % «от 20 до 30 лет» ближе позиция о прозелитической деятельности *«среди всех людей без исключения»*. Отметим, что опрошенные независимо от типа религиозности и возраста в целом ориентированы на положительное отношение к прозелитизму,

причем доля респондентов, усматривающих возможные негативные последствия прозелитической деятельности в форме ухудшения межрелигиозных и межнациональных отношений, незначительна.

С целью установления динамики распространения иного вероучения среди последователей различных вероисповеданий респондентам был задан вопрос «*Каковы пути распространения основ другой религии среди последователей иного вероучения?*». О последовательности религиозных установок опрошенных свидетельствует доминирование, причем с очень большим отрывом от иных суждений, позиции «добровольный» (92,1 % по всему массиву ответов), которой придерживаются 90,2 % «убежденно верующих» и 95,5 % «верующих». Возможность распространения своего вероучения путем «предложения денег, льгот» допускают 1,6 % опрошенных, «навязывания и уговоров» — 4,8 %, при этом важно отметить, что опрошенные независимо от типа религиозности не допускают насильственного метода приобщения к своему вероисповеданию последователей иных религий, ответ о насильственном пути распространения веры никем не был отмечен. На наш взгляд, наличие таких установок в массовом сознании свидетельствует о существовании толерантности и веротерпимости, которые были характерны для дагестанского общества практически на всех этапах его исторического развития. Данный тезис подтверждается и в личных беседах с руководителями общин, выражающими мнение о существовании толерантного отношения руководства нашей республики к разным религиозным организациям.

Таким образом, по результатам двух вопросов можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, респонденты позитивно оценивают прозелитизм только при условии ненасильственного и мирного его распространения, на основе добровольности, но, с другой стороны, опрошенные адепты проповедуют свое учение среди представителей других религий, не думая о негативных последствиях, которые могут повлечь за собой их действия.

4. Заключение

Изучение исторического прошлого Дагестана с привлечением архивных источников демонстрирует нам, что протестантизм в республике существовал еще во времена Российской империи [ЦГА РСГО-А, ф. 11, л. 37—168; ЦГА РД, ф. 167, л. 3; ф. 46, л. 160 об.] и советского государства [ЦГА РД, ф. Р-1234 и др.]. Сегодня отношение к протестантам на территории Дагестана неоднозначно. С одной стороны, протестантизм на территории республики имеет давнюю историю и своих сторонников, с другой — многие выступают за немедленное запрещение деятельности

новых общин, считая их тоталитарными сектами, и видят в их деятельности угрозу традиционному обществу. Более того, апеллируя к общественному мнению и к официальной власти, мусульманское духовенство подчеркивает, что своей деятельностью протестантские общины подвергают размыванию коренные устои дагестанских народов [Курбанов и др., 2006, с. 189].

Проведенный одним из авторов статьи социологический опрос с целью изучить характер миссионерской деятельности и отношение к «прозелитической» практике протестантов в дагестанском обществе показал, что среди адептов существует мнение об исключительности их вероучения в связи с его «совершенностью и правильностью» и позитивное отношение к прозелитизму только при условии его мирного характера. Однако миссионерская деятельность протестантов современным обществом Дагестана все чаще оценивается как направленная против основ социального и даже государственного устройства.

Источники и принятые сокращения

1. ПМА 1 — *Полевой* материал автора О. Б. Халидовой : информант пресвитера церкви «Осанна» Чумаков Я., 16 января 2016 г., г. Махачкала.
2. ПМА 2 — *Полевой* материал автора О. Б. Халидовой : результаты опроса в протестантских общинах Махачкалы и Каспийска в 2016 году.
3. ЦГА РД — *Центральный* Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 167 (Николаевская церковь г. Порт-Петровска Дагестанской области). Оп. 1. Д. 4. Л. 3 ; Ф. 46 (Благочинный церковей Дагестанской области Владикавказской епархии г. Темир-Хан-Шуры). Оп. 1. Д. 2. Л. 160 об ; Ф. Р-1234 (Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по ДАССР). Оп. 6. Д. 8. Д. 10. Д. 11.
4. ЦГА РСО-А — *Центральный* Государственный архив Республики Северной Осетии-Алании. Ф. 11 (Терское областное правление). Оп. 15. Д. 661. Л. 37—168.

Литература

1. *Алиева В. Ф.* Русское население Дагестана. Причины оттока и пути стабилизации процесса / В. Ф. Алиева. — Махачкала : ДНЦ РАН, 2001. — 66 с.
2. *Андреев К.* «Антимиссионерский» закон подлежит отмене как конституционный. 27.06.2016 г. [Электронный ресурс] / К. Андреев. — Режим доступа : <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34892/>.
3. *Араловец Н. А.* Городская семья в России во второй половине XX в. / Н. А. Араловец. — Москва : Институт Российской истории РАН, 2015. — 360 с.
4. *Гараджа В. И.* Социология религии: учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / В. И. Гараджа. — Москва : Наука, 1995. — 223 с.

5. *Каргина И. Г.* Самоидентификация верующих : социальная мотивация / И. Г. Каргина // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 45—53.
6. *Кляшев А. Н.* Протестанты и неопротестанты Республики Башкортостан : некоторые факторы трансформации конфессиональной идентичности / Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. — 2010. — № 6 (50). — С. 135—141.
7. *Кравцев А.* Евангельская миссия в России [Электронный ресурс] / А. Кравцев // Мирт. — 2018. — № 2 (100). — Режим доступа : <http://gazeta.mirt.ru/stat-i/serkov/post-2143/>.
8. *Курбанов М. Р.* Религии в истории народов Дагестана / М. Р. Курбанов, Г. М. Курбанов. — Махачкала : Народы Дагестана, 2006. — 376 с.
9. *Лункин Р.* На смерть пастора. Артур Сулейманов и христианское просвещение народов Дагестана [Электронный ресурс] / Р. Лункин. — Режим доступа : <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2955>.
10. *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в Советском союзе и в России. 1985—1997 гг. / М. И. Одинцов. — Москва : Российское объединение исследователей религии, 2010. — 444 с.
11. *Потапова Н. В.* Евангельское христианство и баптизм в России в 1917—1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) / Н. В. Потапова. — Южно-Сахалинск : Издательство СахГУ, 2015. — Т. 1. — 400 с.
12. *Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад* / под редакцией В. А. Тишкова. — Москва : [б. и.], 1999. — С. 8—9.
13. *Руткевич М. Н.* Основные социальные противоречия современного российского общества / М. Н. Руткевич // Социс. — 2001. — № 4. — С. 49—60.
14. *Социально-экономическое положение Республики Дагестан : январь—декабрь 1999 г.* — Махачкала: [б. и.], 2000. — 163 с.
15. *Социальные и межнациональные конфликты : причины и пути их разрешения в регионе.* — Махачкала : ДНЦ РАН, 1998. — 92 с.
16. *Ушакова Н.* Протестанты в Дагестане / Н. Ушакова // Молодежь Дагестана. — 2004. — 12 марта. — № 010. — С. 10.
17. *Филатов С.* Северный Кавказ : горские народы в поисках религиозной идентичности / С. Б. Филатов, Р. Лункин // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. — Москва, Санкт-Петербург : Летний сад, 2002. — С. 158—188.
18. *Халидова О. Б.* «Дагестанские русские» в регионах Юга России в 1980—2010 гг. : особенности адаптации в материнском этносе / О. Б. Халидова // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве : проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН) : коллективная монография. — Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. — 238 с.
19. *Халидова О. Б.* Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане : проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) / О. Б. Халидова, Р. И. Сефербеков // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3 (75). — С. 64—69.

20. Шаадия Ф. Любовь, что побеждает / Ф. Шаадия. — Заокский : Источник жизни, 2011. — 87 с.

Protestants and Neo-Protestants in Post-Soviet Dagestan: Values Transformation in Missionary Practices (1990—2000)¹

© **Olga B. Khalidova** (2019), orcid.org/0000-0002-3454-9427, PhD in History, research scientist, Institute of History, Archeology and Ethnography, Federal State Institution of Science Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), o.khalidova2011@mail.ru.

© **Ruslan I. Seferbekov** (2019), orcid.org/0000-0002-0901-8499, Doctor of History, leading research scientist, Institute of History, Archeology and Ethnography, Federal State Institution of Science Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), 79034779866@yandex.ru.

The transformation in Protestants' and neo-Protestants' values in their missionary practices in the modern Dagestan is discussed. It is noted that the processes of globalization caused by the international situation, the unfolding socio-economic, political and spiritual depression in the country contributed to the "influx" of Western missionaries and the emergence of new non-traditional charismatic churches, allowing them to occupy its niche in republic religious structure for some time. On the basis of sociological survey the analysis of value views of the Dagestan Protestants in their Evangelical mission is carried out. It is shown that the religious well-being of the adepts of the studied communities is focused on proselytizing and missionary activity among the carriers of the other worldview. It is established that the Dagestan Protestants positively evaluate proselytism with the motivation for its non-violent and peaceful propagation while simultaneously ignoring the possibility of aggravation of inter-religious and inter-ethnic relations. It is revealed that the respondents have different points of view on the promotion of their faith among representatives of other religions. The authors conclude that, on the one hand, the proclamation of the principles of freedom of choice of a religious worldview, on the other — the aim to emphasize the exclusivity of their beliefs with the motivation of its "perfection and correctness" allow to make conclusion about the contradictory nature of the respondents' opinions.

Key words: Russia; Dagestan; religion; Protestants; neo-Protestants; social modernization; Evangelical mission.

Material resources

PMA 1 — *Polevoy material avtora O. B. Khalidovoy: informant presviter tserkvi «Osanna» Chumakov Ya., 16 yanvarya 2016 g., g. Makhachkala.*

PMA 2 — *Polevoy material avtora O. B. Khalidovoy: rezultaty oprosa v protestantskikh obshchinakh Makhachkaly i Kaspiyska v 2016 godu.*

¹ The publication was prepared within the framework of the research project 18-09-00420 supported by the Department of Humanities and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research.

- TsGA RD — *Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan*. F. 167 (Nikolayevskaya tserkov' g. Port-Petrovskaya Dagestanskoy oblasti). Op. 1. D. 4. L. 3; F. 46 (Blagochinnyy tserkvey Dagestanskoy oblasti Vladikavkazskoy yeparkhii g. Temir-Khan-Shury). Op. 1. D. 2. L. 160 ob; F. R-1234 (Upolnomochennyy Soveta po delam religioznykh kultov pri Sovete Ministrov SSSR po DASSR). Op. 6. D. 8. D. 10. D. 11.
- TsGA RSO-A — *Tsentralnyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnoy Osetii-Alanii*. F. 11 (Terskoye oblastnoye pravleniye). Op. 15. D. 661. Ll. 37—168.

References

- Aliyeva, V. F. (2001). *Russkoye naseleniye Dagestana. Prichiny ottoka i puti stabilizatsii*. Makhachkala: DNTs RAN.
- Andreyev, K. «Antimissionerskiy» zakon podlezhit otmene kak konstitutsionnyy. 27.06.2016 g. Available at: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34892/>.
- Aralovets, N. A. (2015). *Gorodskaya semya v Rossii vo vtoroy polovine XX v.* Moskva: Institut Rossiyskoy istorii RAN.
- Filatov, S., Lunkin, R. (2002). Severnyy Kavkaz: gorskiye narody v poiskakh religioznoy identichnosti. In: *Religiya i obshchestvo. Ocherki religioznoy zhizni sovremennoy Rossii*. Moskva, Sankt-Peterburg: Letniy sad. 158—188.
- Garadzha, V. I. (1995). *Sotsiologiya religii: uchebnoye posobiye dlya studentov i aspirantov gumanitarnykh spetsialnostey*. Moskva: Nauka.
- Kargina, I. G. (2004). Samoidentifikatsiya veruyushchikh: sotsialnaya motivatsiya. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1: 45—53.
- Khalidova, O. B. (2014). «Dagestanskiye russkiye» v regionakh Yuga Rossii v 1980—2010 gg.: osobennosti adaptatsii v materinskom etnose. In: *Etnokulturnyye landshafty na postsovetском prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta (k 90-letiyu IIAE DNTs RAN): kolektivnaya monografiya*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, ALEF.
- Khalidova, O. B., Seferbekov, R. I. (2018). Protsessy reislamizatsii v postsovetском Dagestane: problemy i osobennosti (pervaya polovina 1990-kh gg.). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (75): 64—69.
- Klyashev, A. N. (2010). Protestanty i neoprotestanty Respubliki Bashkortostan: nekotoryye faktory transformatsii konfessionalnoy identichnosti. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii*, 6 (50): 135—141.
- Kravtsev, A. (2018). Yevangel'skaya missiya v Rossii. *Mirt*, 2 (100). Available at: <http://gazeta.mirt.ru/stat-i/cerkov/post-2143/>.
- Kurbanov, M. R., Kurbanov, G. M. (2006). *Religii v istorii narodov Dagestana*. Makhachkala: Narody Dagestana.
- Lunkin, R. *Na smert' pastora. Artur Suleymanov i khristianskoye prosveshcheniye narodov Dagestana*. Available at: <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2955>.
- Odintsov, M. I. (2010). *Veroispovednyye reformy v Sovetskom soyuze i v Rossii. 1985—199 gg.* Moskva: Rossiyskoye obyedineniye issledovateley religii.

- Potapova, N. V. (2015). *Evangel'skoye khristianstvo i baptizm v Rossii v 1917—1922 gg. (na materialakh Dalnego Vostoka), I*. Yuzhno-Sakhalinsk: Izdatel'stvo SakhGU.
- Rutkevich, M. N. (2001). Osnovnyye sotsialnyye protivorechiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva. *Sotsis*, 4: 49—60.
- Shaadiya, F. (2011). *Lyubov', chto pobezhdayet*. Zaokskiy: Istochnik zhizni.
- Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye Respubliki Dagestan: yanvar'—dekabr' 1999 g.* (2000). Makhachkala: [b. i.].
- Sotsialnyye i mezhnatsionalnyye konflikty: prichiny i puti ikh razresheniya v regione.* (1998). Makhachkala: DNTs RAN.
- Tishkov, V. A. (ed.) (1999). *Puti mira na Severnom Kavkaze. Nezavisimyy ekspertnyy doklad*. Moskva: [b. i.]. 8—9.
- Ushakova, N. (2004). Protestanty v Dagestane. In: *Molodezh' Dagestana*, 010: 10.